

Мещанский Александр Юрьевич

ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ ИНВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА В ПЬЕСЕ Е. ГРИШКОВЦА "КАК Я СЪЕЛ СОБАКУ"

В статье рассматривается концептуально-содержательная структура пьесы Е. Гришковца, центральное место занимает анализ ступеней духовной инволюции человека в пьесе "Как я съел собаку".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/2/29.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 2 (6). С. 112-114. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Смазнова О. Ф. Миф как этос культуры в России XIX-XX веков: автореф. дисс. ... докт. философ. наук. Великий Новгород, 2009. 37 с.
2. Суворов Д. А. Характер корреляций основных категорий рекламного текста (на материале английского и русского языков): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 2009. 20 с.
3. Торичко Р. А. Реклама как мифологическая коммуникативная система: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2001. 24 с.

TOURIST ADVERTISING AS A MYTHOLOGICAL TEXT**Ekaterina Evgenyevna Menshikova***Department of the English Language
Irkutsk State Linguistic University
baoding2009@mail.ru*

In the article tourist advertising as a mythological text which influencing consumers' consciousness according to the laws of classical mythology constructs the virtual world of a human's existence and the images of his social prestigiousness and forms the recipients' cognitive models is considered.

Key words and phrases: tourist advertising; myth; myth communicative principles.

УДК 882(091)191

В статье рассматривается концептуально-содержательная структура пьесы Е. Гришковца, центральное место занимает анализ ступеней духовной инволюции человека в пьесе «Как я съел собаку».

Ключевые слова и фразы: «новая новая драма»; драматургия Е. Гришковца; проблема духовной деградации; человек и общество.

Александр Юрьевич Мещанский, к. филол. н., доцент*Кафедра теории и истории литературы**Северодвинский филиал Поморского государственного университета им. М. В. Ломоносова**kodimas@atnet.ru***ПРОБЛЕМА ДУХОВНОЙ ИНВОЛЮЦИИ ЧЕЛОВЕКА
В ПЬЕСЕ Е. ГРИШКОВЦА «КАК Я СЪЕЛ СОБАКУ»©**

В конце XX века в отечественном театре возникло и сразу же привлекло к себе внимание такое явление как «новая новая драма», предполагающее поиск новых форм и перестановку смысловых акцентов в концептуально-содержательной структуре произведения. Теоретик современного театра С. Гончарова-Грабовская провела глубокое исследование театральной практики последних двух десятилетий с целью выявления ее эстетических новаций. Исследователь отмечает, что в пьесах целого ряда драматургов конца XX века - М. Угарова, О. Михайловой, Е. Греминой, А. Образцова, О. Богаева, О. Мухиной, С. Носова и др. - наблюдается изменение традиционной поэтики драмы: «...их пьесы имели ярко выраженный «итоговый» обобщающий характер: в них сильнее осязательны условно-символическое и игровое начала, интертекстуальность, внимание к ранее табуированным сферам изображения жизни, использование ненормативной лексики, нового художественного дискурса, в котором огромную нагрузку имеет слово» [2, с. 4-5].

Такое всеисиле слова, вытесняющего поступок, и развивающее действие пьесы характерно и для драматургии Е. Гришковца.

В пьесах Гришковца нет традиционных элементов сюжета, драматической фабулы, конфликта, системы персонажей. В центре театрального акта - сценическое *alter ego* драматурга, которое стремится «до доньшка» раскрыть себя, свой внутренний мир, в каком-то смысле исповедаться перед зрителем. Как справедливо заметила О. Журчева, «грань между ним, Евгением Гришковцом, и его словесно-сценическим *alter ego* неуловима: проблема экзистенциального разграничения «я» и «не я», «я» сейчас и «я» завтра, «я» такой и «я» другой становится единственной. Все это эгоцентричное мерцание призвано уловить неуловимое «я» и тем самым достичь полноты бытия» [5, с. 227].

Такое стремление автора к самоидентификации наблюдается в пьесе «Как я съел собаку». В основе сюжета мелодрамы - воспоминания героя 30-40 лет о его трехлетней службе на флоте. И хотя со времени дембеля прошло достаточно времени, перед зрителем предстает человек, «одетый в морскую форму, чаще держит бескозырку в руках, иногда надевает ее на голову», а «на сцене много канатов, разных морских атрибутов». Примечательно, что герой-рассказчик, рефлексировав, дистанцируется от своего «я» в прошлом, в результате «я» абстрагируется в «он»: «Я расскажу о человеке, которого теперь уже нет, его уже не существует, в смысле - он был, раньше, а теперь его не стало, но этого, кроме меня, никто не заметил... В смысле для всех, кто меня знает и знал, - это был я, но на самом деле тот «я», который сейчас это рассказывает, это другой человек, а того уже нет и у него уже нет шансов вновь появиться» [3, с. 170-171].

В каком-то смысле воспоминания рассказчика обусловлены внутренней мотивацией забыть все, что он пережил на острове Русский, «чтобы никогда вот этого всего - и я бы ничего в жизни не захотел бы там» [Там же, с. 180]. Сознание героя в пьесе Гришковца раскрывается посредством оппозиций я/другой, я/мир, часть/целое. Так, в частности, герой, отслуживший три года на флоте, бессознательно сравнивает себя с «рыбкой с хвостом», которой он когда-то был. Такой ассоциативный образ не случаен, ведь место службы - остров Русский - окружен Тихим океаном. Как известно, океан - древний символ, олицетворяющий «всеобщую жизнь как противоположность частичной» [6, с. 357]. Остров же нередко «символизирует одиночество, изоляцию, смерть» [Там же, с. 370]. Вспомним, какие опасности поджидали Одиссея на острове циклопов и острове нимфы Калипсо в «Одиссее» Гомера. Одиссея матроса тихоокеанского флота приводит его, по мысли М. Громовой, к ряду жизненных открытий, которые порождают в герое чувство стыда за себя и свою страну: «Пьеса рассказывает о том горьком смятении, которое обнаруживает в себе человек, потерявший свою страну и попавший в чужой мир. Маленькая «рыбка с хвостом», которой совсем недавно был человек, попадает в мировой океан жизни, в котором можно столкнуться с теми ощущениями, каких не испытывал в прошлом, а именно с тем, «что тебя могут не любить»» [4, с. 341]. Жертвой океана в его символическом значении становится не только герой-рассказчик, но и все обитатели острова, название которого в пьесе также приобретает символическое и оценочное звучание, что подчеркивается авторской ремаркой: «Там, на Русском острове (во, название) все было - ритуал» [3, с. 179]. Так, островные «аристократы» офицеры мечтали, как предполагает рассказчик, совершенно о другом: «Они, офицеры, когда поступали в училища, наверное, думали: «Командир на мостике» - и такой гул, «флаг и гойс поднять» - и все так торжественно, и флаги, и чайки, и эге-гей э-э...э! А тут мы, вот такие... И с этим ничего не поделаешь» [Там же].

Вполне понятно в связи с этим, что нормой флотской жизни, изображаемой в пьесе Гришковца, является отрицание какого бы то ни было суверенитета личности, стремление превратить ее в материал, в номер, в цифру. Не случайно каждый матрос в пьесе (как и в замятинском романе «Мы») имеет свой порядковый номер.

Нивелированию, разрушению личности на острове способствует абсолютно все - от принудительного просмотра фильма «Жестокий романс» до обязательного, ежедневного действия, получившего название «перессык», когда каждое утро 2000 матросов должны были по команде мочиться в море. На Русском острове торжествует эстетика несвободы.

В центре пьесы Гришковца душевная драма героя, превратившегося из «милого, единственного, умного мальчика» в «одного из грязных, затравленных, некрасивых пареньков» [Там же, с. 195]. В итоге, рассказчик, осмысляя весь свой опыт службы на тихоокеанском флоте, задается вопросом, в котором содержится своеобразный бунт против бесчеловечных законов существующей государственной системы: «Вот интересно, кому-нибудь было нужно то, что мы на Русском острове делали? Кому-то конкретно! Был ли такой человек, который понимал, зачем все это происходит. Если он был или он есть, то что же это за человек. Я даже вообразить не могу...» [Там же, с. 184].

Привычный и доселе понятный мир постепенно теряет в глазах героя-рассказчика свою понятность, а, главное, теряется представление о себе самом как об уникальной и неповторимой личности («Меня нет... Того, которого так любят, ждут... Того единственного. Его нету. Меня - того, нет») [Там же, с. 195]. Герой Гришковца живет в эпоху абсурда, когда несовместимые начала сосуществуют бок о бок в пределах одной человеческой души, когда ни в чем не видно смысла, и мир разваливается по частям. Попытка безымянного матроса осмыслить свою жизнь в масштабах космического бытия делает ощутимым осознание абсурдности происходящего вокруг. Оно абсурдно постольку, поскольку абсурдной стала сама жизнь: «Но вдруг придет в голову мысль - наш корабль плывет по поверхности планеты Земля. Это Мировой океан, а по его поверхности плывет железный такой... а на нем 128 человек. А вокруг воздух, а дальше - космос. И это называется - защищать Родину. После такой мысли трудно собрать все воедино, ну, чтобы можно было дальше всем этим заниматься, участвовать в этом» [Там же, с. 187-188].

Идея о мировой бессмыслице приходит в голову человеку, который до недавнего времени верил в смысл бытия, долгие годы впитывал «огромный, книжный мир». А непосредственное, естественное столкновение с «живой жизнью» пошатнуло в нем «веру в человечество», обветшалый оптимизм и мировой порядок. В какой-то момент герой-рассказчик понимает, что люди ведут бессмысленную и бесцельную жизнь, не сознавая этого, а с нашим миром происходит что-то угрожающее. Переосмысляя свои жизненные взгляды, матрос, по сути, приходит к критике устоявшихся в обществе норм человеческого существования.

В частности, этот дух бунтарства проявился в новом отношении персонажа к своей стране: «И там... на службе я почувствовал, а потом и понял, что Родина и страна, в которой ты родился, - не одно и то же. Наверно, это и так понятно, но это же надо понять! И многие из ребят, с которыми я служил, так этого и не поняли, но сильно что-то такое подозревали, для них в этом случае было важно - кто предал. Страна или Родина? Вот тут надо разобраться...» [Там же, с. 184].

Каждое литературное произведение, как известно, воплощает индивидуально-авторский способ восприятия и организации мира. Важную роль в монодраме Гришковца играет одна из финальных сцен, в которой эксплицируется связь с названием пьесы, усиливающим смысловой трагикомический акцент произведения. Пойманная и приготовленная корейцем Колей И. «по всем правилам» собака обнаруживает в героерассказчике «удивительные ощущения»: «Ел, пытался ощутить бунт в себе, а мне... было вкусно. Коля вкусно приготовил. Я думал до последнего, что не смогу есть, а смог. И с аппетитом. А раньше не смог бы... Раньше... То есть один человек думал, другой - ел. Тот, который ел, был более... современным... то есть лучше совпадал со временем» [Там же, с. 194-195]. Сознательная установка автора на сцену поедания корейского блюда - зажаренной собаки - дает возможность поливариантного восприятия пьесы. С одной стороны, эпизод поедания собаки, по мысли М. Громовой, «можно воспринять как своеобразный обряд инициации, сопутствующий акту перехода из детства во взрослое состояние» [4, с. 340], а с другой - как попытку осознать себя и свое место в мире, стремление понять, кто я есть? Участие героя в этом, отвратительном, с точки зрения европейского человека, ночном пиршестве, не означает, что он утратил чувство совести (матрос думает о предполагаемых хозяевах собаки - рыдающей девочке или плачущей одинокой бабушке), скорее здесь речь идет об утрате чувства любви к самому себе. Открытие, которое рассказчик сделал еще в школе («тебя могут не любить»), окончательно закрепляется в армии и приводит к атрофии чувств, равнодушию к жизни: «Я обнаружил в себе удивительные ощущения: в те моменты, когда совсем было худо, когда меня сильнее всего... обижали <...> в общем, в такие моменты... - мне не было себя жалко» [3, с. 195]. Стоит подчеркнуть, что даже о такой характерной примете российской армии, как дедовщина, герой упоминает вскользь, в конце своего диалога («а меня бьют... меня так сильно...»). Можно предположить, что в заголовке пьесы Гришковца (по своей конструкции и специфике нарративного плана напоминающем традиционное школьное сочинение на тему «Как я провел это лето») содержится подтекстовая информация, связанная с темой «как я разочаровался в жизни». Служение Родине, по замечанию С. Гончаровой-Грабовской, привело в итоге к тому, что человек оказался сломан, «действовал вопреки совести, совершал поступки, о которых потом неловко вспоминать» [1, с. 238]. В своей пьесе Е. Гришковец затронул вопрос, который волновал многих писателей XX века (А. Солженицына, В. Шаламова, С. Довлатова, В. Войновича, В. Аксенова и др.) - вопрос, вошедший, по мысли В. Шаламова, в психологию каждой семьи - «уничтожение человека с помощью государства».

Список литературы

1. **Гончарова-Грабовская С. Я.** Драматургия Е. Гришковца (проблема жанра) // Драма и театр: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. Вып. VI. С. 230-240.
2. **Гончарова-Грабовская С. Я.** Комедия в русской драматургии конца XX - начала XXI века. М.: Флинта; Наука, 2008. 280 с.
3. **Гришковец Е.** Зима. Все пьесы. М.: Эксмо, 2007. 320 с.
4. **Громова М. И.** Русская драматургия конца XX - начала XXI века: учебное пособие. М.: Флинта; Наука, 2005. 368 с.
5. **Журчева О. В.** Стиливые и жанровые стратегии в новейшей драматургии // Драма и театр: сб. науч. тр. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2007. Вып. VI. С. 221-229.
6. **Керлот Х. Э.** Словарь символов. М.: REFL-book, 1994. 608 с.

THE PROBLEM OF A PERSON'S SPIRITUAL INVOLUTION IN E. GRISHKOVETS'S PLAY "ABOUT HOW I ATE THE DOG"

Aleksandr Yuryevich Meshchanskiy

*Department of Literature Theory and History
Severodvinsk Branch of Pomorye State University named after M. V. Lomonosov
kodimas@atnet.ru*

In the article the conceptual-substantial structure of E. Grishkovets's play is considered; special attention is paid to the analysis of the stages of a person's spiritual involution in the play "About how I ate the dog".

Key words and phrases: "new new drama"; E. Grishkovets's dramas; spiritual degradation problem; man and society.